

КОНТРАСТЫ

социализма и капитализма. Спор о сущности, смысле жизни, столкновение двух различных идеологий. К

БЫВАЕТ, что индивидуальность актера счастливо совпадает с материалом роли. Может быть, это и произошло с артистом Львовского театра В. Аркушенко, исполняющим небольшую и как будто незначительную роль Опанаса в «Цыганке Азе» (драма М. Старицкого в постановке С. Смеяна). Поэтому он и выделяется среди других исполнителей. Его Опанас стал в спектакле самым социально заостренным образом. Это проявилось и в том, как актер раскрыл внутренний мир своего героя, в удивительной теплоте исполнения, в умении пронести через спектакль свою тему — тему красоты большой души человека, в умении открыть современному зрителю нечто новое в классическом произведении.

Разговор об итогах гастролей Львовского драматического театра имени М. Заньковецкой в Москве недаром начал с постановки произведения украинской классики. И не только потому, что количественно она преобладала в гастрольном репертуаре. А главное — потому, что именно на ней наиболее ярко выявились как творческие удачи, так и серьезные художественные просчеты коллектива. Именно в постановках классики определилось то, что позволило судить о творческом кредо театра, о его репертуаре, о средствах, которыми он пользуется, создавая сценические образы.

С понятием «украинский театр» неразрывно связано представление о жизнелюбивом и жизнеутверждающем, эмоциональном и красочном, светлом и страстном сценическом искусстве с обилием песен и танцев, с пристрастием художников к достоверным, любовно выписанным реалистическим декорациям. В неповторимой национальной специфике этого искусства — живая душа народа.

Одна из характерных черт украинского театра — сердечная задушевность, эмоциональная непосредственность. Душается только, что львовские артисты подчас трактуют ее не совсем верно, превращая искреннюю сердечность в грустную чувствительность. Даже в интересном в общем спектакле «Цыганка Аза» нет-нет да и намечается разрыв между тем, что театр хочет сказать зрителям, и тем, как он это делает. Чуть преувеличенные переживания, чуть красивее, чем нужно, движения — и невольно начинаешь терять связь с артистами, появляется эмоциональная неточность. Это ощущаю и в спектакле «Пока солнце взойдет, роса очи выест» (драма М. Кропивницкого, поставленная В. Ивченко).

В этом спектакле есть интересные актерские работы. Силой драматического таланта покоряет Л. Каганова в роли бедной крестьянской девушки Оксаны. Надолго запомнится блестящее мастерство В. Аркушенко (Гордей) и особенно В. Яременко (Завада). И рядом с этим большим художником сцены — актер В. Сумский, исполняющий роль Бориса. Его герой красив, но и только. Тщательно ждешь от артиста глубокого внутреннего раскрытия образа. Выражение подлинного чувства он то и дело подменяет проверенными до стертости штампами. Эти свойства, к стати, присущи и некоторым другим актерам. Глядя на них, трудно обнаружить стремление передать внутренний драматизм характеров, ими создаваемых, трудно представить их сотворцами драматургов.

Говорить театру о том, что замечательные реалистические традиции сценического искусства актерами его порой не развиваются, разумеется, неприятно, но, как видно, необходимо. И прежде всего потому, что талантливый коллектив способен избавиться от этих недостатков. В этом убеждает спектакль «Невольник» (драма М. Кропивницкого по поэме Т. Г. Шевченко «Слепой»). Показанный в марте на кремлевской сцене, он был подвергнут довольно суровой критике. Спустя два месяца театр вновь привез его в Москву. Спек-

такль заметно вырос. Сдержаннее, мягче, глубже стала игра Л. Кагановой и В. Сумского, исполняющих центральные роли. В великолепном темпе прошла массовая сцена в Сечи, где как бы ожила во всей своей мощи стихия неиссякаемого народного юмора и оптимизма. Но вот смотрим следующий спектакль — «Ой, не ходи, Грицю, да на вечерницы» М. Старицкого, и опять — штампы. Во второй половине пьесы, когда она приобретает трагическое звучание, актеры В. Сумский и Т. Перепеличина начинают «рвать страсть в клочья». В этом вина не только исполнителей, но и режиссера А. Рипко.

Видимо, тягой к мелодраматизму можно объяснить и то, что театр привез на гастроли пьесу И. Рачады «Сын генерала» (она известна больше как «Люди в шинелях»). Иначе невозможно понять, какие соображения руководили коллективом при выборе этого произведения, мелко, «вне времени и пространства» пытающегося решать морально-эстетические темы. Пьеса И. Рачады не раз подвергалась критике в печати. Может быть, театр и драматург сделали из этой критики полезные выводы, может быть, значительно переработали пьесу? Нет, этого, к сожалению, не произошло. Перед зрителями предстала душеспасительная история одинокой женщины, воспитавшей без мужа хорошего сына. Если верить автору, его героиня Ольга Головина — женщина волевая, энергичная, честная и гордая. Такой и пытается предстать перед зрителями исполнительница В. Смеян-Березка. В первых сценах актрисе удается убедить в этом зрителей. Но вот, встретив после двадцатилетнего перерыва отца своего ребенка, все еще любимого ею полковника Рудых, и дав слово новой жене полковника молчать о том, что у него есть сын, Ольга Головина тут же это слово нарушает. Поступок героини — чистейшей воды мещанское желание насолить человеку, у которого нет больше детей. Насолить и, упившись местью, гордо удалиться, бросив такое непреклонное и такое хватающее за сердце «Поздно!»... Свисток, тронулся поезд, замелькали вагоны, героиня уезжает, непреклонная и несчастная... А зрителю остается только гадать: что же хотели сказать им драматург, а вслед за ним и театр (режиссер А. Горчинский)?

На спектакле «Гроза над Гаваями» зрителям гадать не приходится. Он о мире, о борьбе за мир. Интересное решение пьесы А. Левады предлагает режиссер В. Грипич. В спектакле ощутимо, весомо проступает действующее лицо, которого нет в программе, — полинезийский народ, гавайские рыбаки с их активным протестом против ядерных испытаний, с их мечтой о мире. Но пьеса А. Левады, имеющая и другое название — «Быть или не быть», — не только об этом. В основе ее философский спор двух крупнейших ученых, представителей разных миров —

социализма и капитализма. Спор о сущности, смысле жизни, столкновение двух различных идеологий. К сожалению, в спектакле эта линия прочерчена невыразительно, и происходит это в первую очередь потому, что образ советского ученого Макарова не удался артисту Б. Романицкому. Масштабность характера Макарова, несущего высокую правду всепобеждающих идей нашей страны, нашего строя, лишь декларируется, но никак не раскрыта актером.

И в этом спектакле не обошлось без мелодраматического налета. Неизлечимо больной американский ученый Шервуд, приняв яд, умирал долго, красиво и жалостливо демонстрируя в разных ракурсах свое мужественное, трагическое лицо.

Почему все это происходит с театром? Почему в его творческой практике уживаются такие разные вещи, как умение просто и доверительно говорить со зрителем и тут же отталкивать его холодной парадностью и наигранной чувствительностью?

Ведь может театр ставить спектакли интересно, свежо, в лучших реалистических традициях украинской сцены. Пример этого — постановка режиссером А. Горчинским «Веселки» Н. Зарудного. Спектакль един по замыслу и точно бьет в цель, разоблачая людей, подобных Косяку (В. Максимова), — трусов, стяжателей, хапуг. Органично сливается с режиссерским замыслом художественное оформление спектакля (М. Киприян).

Но не только силой обличительного пафоса радует спектакль. Главное в нем то, что театру удалось передать могучее дыхание сегодняшней жизни, врывающейся в угрюмый двор Косяка. Прием выхода актеров в зрительный зал здесь, в этом спектакле, удивительно органично завершает действие. Герои покидают двор, идут к людям, к зрителям, радостные, счастливые. Не могут они больше жить в этом затхлом, безрадостном мире. На сцене остается лишь один Косяк.

Успех этой работы гостей в небольшой степени определяется мягкой, душевной, полной народного юмора игрой старейшего актера театра Б. Романицкого в роли Самопала, а главное, В. Яременко, исполняющего роль Кряжа. Упрямый, обидчивый, с не легким характером, его Кряж — прежде всего человек труда. Такой не усидит долго без дела, да еще отгороженный от всего мира высокими стенами. Знаешь: он придет, непременно придет к людям.

Но даже и здесь, в этом интересном спектакле, снова сказывается любовь к мелодраме. Это относится к артистке А. Босенко, превращающей свою Ольгу в несчастную жертву.

Что же это за пристрастие, с которым не может справиться театр?

Коллективу надо быть более требовательным к себе, к своему творчеству. Тогда и не будет, вероятно, досадных срывов в его творческой практике.

Д. АБРАМОВА.